

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
ярко-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

Г. Альгази

ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ 244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Ю.Ф. Игина

МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ
И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ 280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

К.А. Левинсон

“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ 322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.В. Бусыгин

МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ
ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ 362

М.Ю. Зенченко

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО
ВЕРСИИ 384

РОССИЯ: QUO VADIS?

Б.В. Дубин

МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ
2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА? 428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Г.В. Бондаренко

КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА 448

РЕЦЕНЗИИ

М.Н. Соколов

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ
*А.М. Лидов. Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы
в византийской культуре. М., 2009 ..... 464*

Т.М. Васильева

GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ... 474

А.Б. Герштейн

СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ
ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

Р.О. Шляхтин

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ:
ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ
В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ
ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1070–1204 годы)

УДК 94(495).03

Представленное исследование обобщает имеющуюся в источниках информацию о предателях и перебежчиках, которые проявили себя во время византийско-тюркского противостояния в Малой Азии во второй половине XI–XII в. В статье анализируются термины, которые употреблялись византийскими авторами для обозначения различных видов предательства. Особо выделяется судьба боковой ветви дома Комнинов, которая дала Византии сразу нескольких выдающихся предателей и перебежчиков, включая знаменитого Андроника Комнина (1173–1175). Помимо перебежчиков из императорского дома, в статье также рассматривается судьба азиатской фамилии Гавр, члены которой на протяжении нескольких поколений успешно использовали предательство в качестве инструмента для укрепления собственных позиций в регионе.

Ключевые слова: Византия, тюрки, династия Комнинов, история культуры, Мануил I Комнин, Андроник I Комнин, история терминов, битва при Мириокефале, ислам, предательство.

Keywords: Betrayal, treason, Byzantium, Manuel I Komnenos, Andronikos I Komnenos, cultural history, historiography, battle at Myriokephalon, cultural studies.

Согласно определению словаря Ожегова, предательство – это “вероломство, гнусный поступок”¹. Глагол “предать”, согласно тому же словарю, имеет значение “изменнически выдавать”. Ситуация в английском языке несколько иная. Онлайн-версия Британской Энциклопедии сообщает, что слово betrayal означает либо военное дезертирство, либо “уход из семьи или коллектива в сложной ситуации”². Таким образом, в современных языках мы встречаемся с несколькими типами предательства, которые в целом можно разделить на предательства личные (дома, семьи) и общественные (предательство государства) и т.д.

В данной работе мы намерены выяснить, что же считали предательством византийские писатели XI–XII вв., и проследить, как это понятие (а вернее понятия) использовались авторами при описании византийско-сельджукского противостояния XI–XII вв.³

Византийско-сельджукское военное противостояние мы определяем как цепь военных конфликтов, которая началась с азиатских походов Романа Диогена (1070 г.) и закончилась после падения империи под ударами крестоносцев (1204 г.)⁴. Мы последовательно рассмотрим случаи предательства среди сельджуков (под этим термином мы понимаем пришедших в Малую Азию кочевников-тюрок), после этого опишем предательства среди византийцев, сконцентрировав наше внимание на описании деяний одной боковой ветви правящей династии Комнинов⁵. В завершение статьи будет описана судьба одного понтийского клана, который сделал предательство в рамках одного региона (Пафлагонии) едва ли не семейным делом. В итоговой части работы будет определена роль предательства в византийских текстах XII в. (на материале нарративных источников) и сделана попытка провести параллели с темой предательства в иных культурах данного периода. Начать в данной ситуации следует с выяснения того, что византийцы считали предательством.

ТРИ ВИДА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Евангелия используют для обозначения предательства как действия и предателя как человека производные формы одного и того же глагола. Это глагол *παράδωμι* – “сдавать, передавать, предавать”⁶. Причина такой согласованности в словарях четырех евангелистов нам неясна. В Деяниях апостолов предательство Иуды описано уже другим глаголом – *παράβαινω*, который Лиддл-Скотт переводит на английский как “transgress, overstep”⁷. Изначально мы предположили, что именно эти глаголы будут использованы для обозначения предательства византийскими авторами XI–XII вв. Поиск в базе данных *Thesaurus Linguae Graecae* показал, что оба глагола достаточно активно использовались в средневизантийский период, однако явно в неевангельском значении. Так, Анна Комнина использует глагол *παράδωμι* при описании перехода командования над войском от одного командующего к другому, а также в других значениях. Значение “предательства” у этого глагола (в корпусе текстов *Thesaurus Linguae Graecae*) не наблюдается.

Другое классическое понятие “предательства” досталось Византии в наследство от поздней Западной Римской империи. То, что римское (и ранневизантийское) право называло *crimen laesae majestatis*, – преступление против магистрата, а затем и

правителя, – получило в грекоязычном законодательстве Восточной Империи название καθοσίωσις⁸. Однако этот термин в историографии средневизантийского периода практически не использовался, хотя в принципе и был известен.

Вместо этого термина мы встречаем как минимум четыре разных слова, обозначающих предательство в той или иной форме. Во-первых, это предательство военное, которое происходит в тот момент, когда солдат одной армии перебегает в другую. Для обозначения этого вида измены византийцы использовали термин αὐτομολία и его производные. Термин этот был хорошо известен и употреблялся многими авторами рассматриваемой эпохи в указанном специфическом значении, а также авторами более ранних юридических текстов. Так, например, историк Никита Хониат использует его для описания измены Исаака Комнина, которая произошла непосредственно во время боя у Неокесарии⁹. Интересно отметить, что термин не имеет негативных коннотаций и обозначает действие и того перебежчика, который переходит на византийскую сторону. Некоторые случаи его употребления будут рассмотрены ниже.

Во-вторых, для предательства вообще византийские авторы использовали более общий термин. Перефразируя тексты Евангелий, писатель конца XI в. Михаил Атталиат употребляет термин πρδοσία, который толкуется словарем И.Х. Дворецкого как “предательство, измена”. В таком значении термин активно употребляется авторами той эпохи. В отличие от упомянутого выше “военного предательства”, перехода к врагу, этот термин используется в более широком смысле слова и может обозначать как измену государству (у Михаила Атталиата: “πρδοσία καί ἐπιβουλή”), так и измену духовную, ересь (см. соответствующие пассажи у Глики)¹⁰. Использование термина Константином Манассией дает нам повод для спекуляций на тему принадлежности данного слова к более низкому регистру стиля, чем понятие военного перебежничества: написанная для норманнской принцессы стихотворная история Византии не отличается излишним следованием классическим нормам¹¹. Это же слово содержится и в более ранних сборниках византийских законов, где оно употребляется в значении, которое можно уподобить современному понятию “измена родине”.

Однако самым распространенным понятием, обозначающим то, что мы можем условно назвать предательством, является слово ἀλοστῆσία, которое обозначает “заговор против государствен-

ной власти, бунт”. В этом значении слово активно употребляется Пселлом и Атталиатом и затем не сходит со страниц исторических сочинений весь XII в.¹². Это едва ли не самый распространенный термин для обозначения предательства в византийских источниках эпохи Комнинов, что не удивительно: большинство источников уделяют особое внимание внутренней жизни империи, которую постоянно сотрясали заговоры и мятежи как отдельных знатных фамилий, так и членов императорского дома¹³. Особое внимание этим мятежам уделяет Никита Хониат, последняя часть работы которого является едва ли не каталогом мнимых и реальных заговоров.

Таким образом, в византийских источниках комниновской эпохи мы нашли три понятия, которые весьма условно могут быть соотнесены с тем, что современные люди называют “предательством”. Между тем, в Западной Европе этого периода тема предательства является одной из главных в эпических произведениях. Классическим примером является “Песнь о Роланде”. В ней есть достаточно четко прописанный образ предателя – Ганелона, который изменяет своему сеньору и своей религии¹⁴. Также именно в XII в. в Южной Европе формируется понятие того или иного политического объединения как “родины”, которое в известной степени связано с концепцией предательства¹⁵. Несмотря на то, что королевство-“родина” в этот период еще не выделяется из общехристианского мира, сам факт появления данного понятия важен для нашей темы.

В Византии ситуация была несколько иной. Империя XI в. считала себя вселенской и всемирной, империя XII в. старалась соответствовать былому величию. Существование традиции воспевания “малой родины” среди узкого круга интеллектуалов не находилось ни в каком противоречии с официальными вселенскими претензиями императоров, которые в середине XII в. вновь зазвучали с новой силой¹⁶. В работах византийских писателей было место для рассуждений о верности империи, но не о личной верности¹⁷. Исключением, подтверждающим правило, здесь является Никита Хониат. В его “Истории” можно встретить эпизоды, в которых он говорит о чем-то, что отдаленно напоминает западные понятия о верности. В частности, Хониат упоминает верного телохранителя императора Андроника Комнина, тюрка Пупака [Абу-Бакра]¹⁸. Во время правления Мануила Комнина Андроник попал в опалу и был посажен в тюрьму. Он бежал из заключения и Пупака спрятал его от преследователей. Мануил Комнин узнал

об этом и распорядился публично наказать Пупаку плетью. В Западной Европе этот случай мог бы послужить поводом для превозношения Пупаки как верного слуги, однако Хониат видит в нем лишь человека, “отблагодарившего своего благодетеля”¹⁹. Похвала вполне классическая, но вряд ли можно видеть в ней доказательство того, что Никита Хониат развивает в своей работе понятие о личной верности.

Появлению такого понятия, на наш взгляд, вряд ли способствовала внешняя и внутренняя конъюнктура рассматриваемой эпохи. В конце XI в. в Византии наступило время, которое мы вслед за Спиросом Врионисом можем назвать “смутным”²⁰. В 1071 г. император Роман IV Диоген был разбит султаном Алп-Арслном из династии Великих Сельджуков на поле Манцикерта и попал в плен. После десятилетней смуты, во время которой Византия потеряла значительную часть своей территории, к власти в 1181 г. пришла династия Комнинов. Эта династия утвердилась на престоле во многом за счет успешного подавления восстаний конкурирующих кланов и групп. После этого в течение 80 лет империя практически непрерывно воевала на западе и на востоке. Все эти обстоятельства, как пишет М. Джонс, способствуют появлению предателей²¹. В центре нашего внимания находятся предатели и изменники, которые так или иначе взаимодействовали с восточным противником империи, а именно с кочевыми государственными образованиями тюрок-сельджуков, – султанатом Великих Сельджуков, а позже с султанатом Иконийским и эмиратом Данишмендидов, противостояние с которыми развивалось в районе Понта²². Итак, рассмотрим данные о трех видах предательства.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ СУЛТАНСКОГО РОДА. СЕЛЬДЖУКСКИЕ ВОЖДИ ПРИ ДВОРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Первое переметничество зафиксировано в византийских источниках еще до битвы при Манцикерте. О нем в своей истории повествует судья и придворный императоров конца XI в. Михаил Атталиат²³. Согласно его тексту, незадолго до сражения при Манцикерте император Роман IV Диоген отправил Мануила Комнина – брата будущего императора Алексея – на восток Малой Азии для того, чтобы отражать набеги тюрок султаната Великих Сельджуков, тревоживших византийские провинции²⁴. В 1069 г. Роман Диоген совершил крупную экспедицию против сельджуков в

Сирию, однако добиться существенных успехов не смог: кочевники избегали прямых столкновений с византийской армией, которая к тому же страдала от недостатка фуража и еды.

Мануил Комнин не смог превзойти своего коронованного предшественника. На востоке Малой Азии турки разбили его наголову, а сам византийский полководец попал в плен. Многочисленные родственники уже собирали выкуп, когда Мануил Комнин внезапно явился в Константинополь в сопровождении странного спутника: это был “предводитель, который пожертвовал личными связями в царском доме и избрал для себя невольный переход (ἀυτομόλα. – Р.Ш.) на сторону противника (...) Причиной тому было то, что султан, властвующий над персами, воспринимал его как отступника, отправил против него войско и вождей, и он, объятый страхом, задумал уйти от опасности не иначе, как через бегство к императору римлян”, – сообщает Михаил Атталиат²⁵.

Описывающий эти события в 30-е годы XII в. Никифор Вриенний уточняет, что сельджук по имени Хризоскул (Χρυσόσκουλος)²⁶ стал отступником от султана (ἀποστάτης) еще до встречи с полководцем из дома Комнинов, а потому когда пленный византиец начал с ним переговоры о переходе на сторону империи, он не сильно и не долго противился ему. По данным Вриониса и Каана такое развитие событий было вполне возможным: лидеры отдельных отрядов на границе султаната Великих Сельджуков часто находились в проблемных отношениях с центром.

Роман Диоген не спешил раскрыть объятия перебежчику. Хризоскула допустили в присутствие императора только после длительного ожидания и представили сенату. По словам Атталиата, это был “юноша, карлик для своего возраста, со скифскими глазами и неприятного вида”²⁷. Роман Диоген включил сельджукского вождя в состав своей армии, отправившейся весной 1071 г. под стены Манцикерта. Вриенний сообщает, что незадолго до битвы Хризоскул едва не умер, когда узнал о смерти Мануила Комнина, приведшего его к византийцам. Если верить Вриеннию, сельджукский вождь не только смог выжить в хаосе сражения, но и неплохо сориентировался в последовавшую за Манцикертом эпоху. В 1078 г. Хризоскул выступает в роли агента Никифора Вотаниата и помогает ему привлечь перед походом на Константинополь на свою сторону наемников-тюрок²⁸. После этого Хризоскул еще раз исполняет роль посредника, чтобы потом исчезнуть в водовороте, следовавшем за воцарением Комнинов.

Как видим, карьера человека, которого источники совершенно определенно называют “военным предателем” и “бунтовщиком”, складывалась вполне успешно. Ни Вриенний, ни Михаил Атталиат не осуждают Хризоскула за переход на сторону империи, но и не хвалят его. Для Атталиата он остается неким непонятым персонажем, безымянным юношей со скифскими глазами и уродливым лицом, в то время как Вриенний наделяет его вполне положительными чертами: Хризоскул проливает слезы рядом со смертным одром своего бывшего пленника и находит свой путь в бурную эпоху конца 1070-х – начала 1080-х годов.

Позже, в эпоху Алексея Комнина, переход тюрок на сторону византийцев (с крещением или без оно́го) стал достаточно массовым явлением. В конце XI в. при взятии Алексеем Комнином города Кизика в Малой Азии осажденные тюрки, по словам Анны Комнины, не только изъявили покорность императору, но и приняли крещение²⁹. Тюрки в качестве союзников неоднократно упоминаются в описаниях византийской армии XII в.: Иоанн Киннам сообщает, например, о некоем Пупаке, который сопровождал Мануила Комнина во время его рейда на Иконий в 1146 г.³⁰ Однако все эти случаи не могут идти в сравнение с другим перебежчиком, которым стал султан Иконийский Клыч-Арслан II³¹.

В 1161 г. правитель малоазийского полукочевого султаната со столицей в Иконии прибыл в Константинополь просить мира. Иоанн Киннам называет его вполне определенно: αὐτόλοσ, т.е. перебежчик³². Иконийский султан прибыл во дворец, где изъявил свою покорность Мануилу Комнину и прошел через процедуры символического унижения: через 90 лет после сражения при Манцикерте в константинопольском дворце самый крупный тюркский вождь Малой Азии преклонил колена перед императором. В ответ он был вознагражден огромным количеством золота, драгоценной посуды и прочих украшений³³. Император взял с него клятву никогда не нападать на империю, передать Византии несколько спорных городов и предоставлять императору вспомогательные войска. После этого Мануил объявил иконийского султана своим представителем в Малой Азии и поручил ему разбирать споры представителей второго сельджукского государственного образования Малой Азии – Данишмендидов. Узнав об этом Данишмендиды также прибыли в Константинополь, но было поздно: Мануил поручил обласканному “перебежчику” Клыч-Арслану решать проблемы его соперников.

Султан оказался ненадежным слугой императора. Уже через несколько лет иконийцы возобновили рейды на территорию империи, а через десять лет и вовсе начали полномасштабную войну против Мануила Комнина. Противостояние между Мануилом и Клыч-Арсланом закончилось в 1176 г. кровавым побоищем в ущелье Мириокефала³⁴. За сто лет, прошедшие со времени Манцикерта, турки научились искусно пользоваться предательством как техническим приемом для достижения своих внешнеполитических целей.

Впрочем, они были не одиноки. История византийско-сельджукского конфликта знает целые династии предателей, которые сделали пересечение пограничной зоны едва ли не семейным делом. Первой и главной из таких династий является боковая ветвь уже знакомого нам рода Комнинов, а именно – брат Иоанна Комнина и его многочисленное потомство. Второй династией является род Гавр. Оба рано “специализировались” на предательствах, которые так или иначе были связаны с причерноморскими провинциями Византии. Сначала расскажем о перебежчиках из дома Комнинов.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО – ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ.

ИОАНН КОМНИН И ЕГО ДЕТИ НА ПРОСТОРАХ МАЛОЙ АЗИИ В 1130-х—1140-х ГОДАХ

После смерти Алексея Комнина его престол в результате недолгой борьбы за власть перешел к его сыну Иоанну. Это дало византийской историографии сразу двух авторов. Проигравшая борьбу за трон Анна Комнина была отправлена под комфортный домашний арест в фамильный монастырь³⁵. Ее супруг Никифор Вриенний потерял статус претендента на престол и получил время для собственных исторических штудий и военных походов³⁶. Они были не единственными пострадавшими в борьбе за власть. Новый император и его главный помощник – тюрок Иоанн Аксук – оттеснили от власти другого сына Алексея Комнин – севастократора Исаака Комнина.

Это привело к первому (но не последнему) бегству представителя правящего дома Комнинов в соседние государства. Исаак Комнин скрылся из Константинополя вместе со старшим сыном Иоанном. Вот как рассказывает об этом Никита Хониат:

“Из-за ссоры <...> он отделился и сбежал из пределов Романии. Его спутником <...> был его перворожденный сын Исаак, муж

тяжелодоспешный и воинственно-шумный, храбрый и одаренный блестящей внешностью.”³⁷

Долгие странствия Исаака Комнина по Ближнему Востоку ни к чему не привели. Он закончил свои путешествия в Иконийском султанате. Правитель этого кочевого протогосударства султан Масуд радушно его принял, но помогать отказался. В итоге Исаак, если верить Хониату, счел за благо вернуться в Константинополь. “Император радостно принял его с сыном (...) и радостно обнял его”, – завершает свою историю о перебежчиках Никита Хониат³⁸.

Судя по использованной лексике, Хониат не считает бегство Исаака Комнина прямым предательством. Однако поступок этот все-таки не воспринимается как благородный: Хониат в принципе плохо относится к перебежчикам из дома Комнинов, считая их постоянные мятежи одной из причин упадка империи в правление династии Ангелов. Бегство Исаака к тюркам в данной ситуации является первым в ряду подобных инцидентов, счет которым в конце XII в. шел едва ли не на десятки.

Никита представляет своего героя почти что жертвой обстоятельств. Между тем, другой историк XII в., Иоанн Киннам, умалчивает о бегстве Исаака к сельджукам, но добавляет к его биографии несколько колоритных деталей. Он сообщает, что на момент смерти Иоанна Комнина в 1138 г. Исаак Комнин снова сидел в окопах в Ираклии Понтийской³⁹. После смерти Иоанна Комнина на престол вззошел его сын Мануил. Новый император возил дядю с собой. В 1146 г. во время одного рискованного сражения Исаак снова попытался захватить власть над империей⁴⁰. Киннам не называет Исаака предателем напрямую, однако дважды повторенное обвинение в попытке захвата власти, на наш взгляд, вполне подпадает под одну из обозначенных выше категорий измены\ предательства, а именно под апостасию. Если верить Киннаму и Хониату, во всех случаях апостасия Исаака Комнина не удалась. Этого нельзя сказать о его сыновьях, которые превзошли в странствиях даже своего неугомонного отца.

Старший из сыновей Исаака Комнина, Иоанн бежал из Константинополя вместе с Исааком в 1130-х годах. Второй раз он осуществил бегство уже самостоятельно во время войны Иоанна с набиравшим силу эмиратом Данишмендидов в Пафлагонии на Понте⁴¹. Во время экспедиции Иоанна Комнина против Амира Гази Данишмендида в 1139 г. византийские войска решились на зимовку под стенами Неокесарии. Византийские солдаты, осо-

бенно кавалеристы, страдали от недостатка фуража. Хорошие лошади были наперечет. Во время одной из атак Иоанн Комнин приказал своему племяннику и тезке передать лошадь знамени-тому западному наемнику. После перебранки Иоанн согласился, однако затем, “наполненный гневом, он взял копье, сел на другого коня и понесся к вражеским порядкам. Продвинувшись вперед, он развернул свое копье [острием] назад и стал перебежчиком к персам, положив шлем на плечо”⁴².

Никита Хониат называет Иоанна Комнина αὐτόμολος. Таким образом, сын перебежчика и бунтовщика-неудачника Исаака Комнина стал первым Комнином, совершившим предательство во время сражения. Так же как и предательство эмира Хризоскула, оно оказало влияние на дальнейший ход военных действий. Опасаясь того, что Иоанн-младший расскажет тюркам о бедственном состоянии византийцев, Иоанн Комнин в спешке отступил к морю⁴³.

Впрочем, действия перебежчика Иоанна Комнина на этом не закончились. “Сам Иоанн через небольшое время отрекся от веры христиан и взял в жены дочь перса из Икония (т.е. дочь султана Масуда. – *Р.Ш.*)”, – сообщает Никита Хониат⁴⁴. Для обращения в иную веру (рenegатства) он использует глагол ἐξόμνῶσι, подразумевающий отречение от каких-либо положительных вещей. Показательно, что сам факт религиозного отступничества не сопровождается у Хониата каким-либо значимым комментарием, несмотря на то, что данный автор написал специальный труд, посвященный борьбе с ересями, к которым он причисляет и ислам.

Дальнейшая судьба Иоанна Комнина-рenegата нам неизвестна. Когда в 1146 г. его двоюродный брат император Мануил подошел к стенам Иконии, дочь Иоанна-рenegата и сельджукской принцессы (по имени не названа) обратилась к нему с речью на греческом языке, прося императора не разорять могилы матери султана⁴⁵.

Эта речь породила совершенно неожиданный отклик через три века. В середине XV в. греческий чиновник на службе у османов Георгий Сфрандзи сумел найти историю о семье Иоанна Комнина. Он поставил повествование об отпрысках дома Комнинов на службу идеологии турок-османов. По версии Сфрандзи, дочь Иоанна-рenegата по имени Камеро вышла замуж за предка дома Османов⁴⁶. Используя деяния боковой ветви Комнинов, Сфрандзи создал для османской династии генеалогию, которая позволяла всем образованным грекам без всяких проблем присягать на вер-

ность новым повелителям Константинополя: по версии историка, в 1453 г. столицу Византии брал штурмом Мехмед II Комнин.

Иоанн-рenegат и его дочь остались не забытыми даже в период упадка империи. Впрочем, другой сын Исаака Комнина – Андроник Комнин – стал еще более знаменитым героем исторических произведений⁴⁷. Он начал свою карьеру с не самого доблестного деяния: во время охоты в Малой Азии Андроник попал в плен к туркам, признававшим над собой власть иконийского султана⁴⁸. После выкупа он был назначен дукой города Браничево на границе с венграми. Киннам отмечает, что Андроник пытался создать “тиранию”, т.е. собственное владение на границе. Мануил отозвал беспокойного родственника в Константинополь и заключил его в тюрьму, однако Андроник бежал в Галич с помощью своей жены и верного оруженосца Пупаки, о котором мы уже упоминали⁴⁹. После некоторого времени странствий Андроник вернулся в Константинополь и попросил у Мануила прощения. Император назначил его правителем “проблемной” провинции Киликии.

Здесь Андроник снова попытался сплести заговор и после разоблачения бежал в государства крестоносцев. Там он обольстил сначала Филиппу Антиохийскую, а затем вдову иерусалимского короля Феодору. Вместе с Феодорой Андроник скрылся на территории восточно-анатолийского эмирата Артукидов, правитель которого взял беглого Комнина под свою опеку⁵⁰. Вместе с сельджуками Андроник совершал набеги на Византию, за что первым из клана Комнинов был предан церковной анафеме⁵¹. Через некоторое время он вместе с Феодорой и прижитыми детьми вновь возвратился в Константинополь. Император простил его и отправил в один из провинциальных городков.

После смерти Мануила в 1180 г. Андроник Комнин, по свидетельству Хониата, задумал “захватить престол” у юного наследника Мануила Алексея (1180–1183). Внутриполитическая обстановка в империи благоприятствовала его планам: жена Алексея Мария Комнина и ее временщик протосеваст Алексей вызывали недовольство у значительной части правящего клана. По словам Хониата (повествование которого является единственным источником для данного эпизода биографии Андроника), сын бунтовщика и бунтовщик использовал для начала своего выступления текст собственной клятвы на верность Мануилу⁵². Андроник устроил массовую рассылку писем всем недовольным, которые устремились к месту его заключения. Собрав сообщников, он пошел к Константинополю. Никакой серьезной оппозиции Анд-

роник он не встретил. После долгих колебаний императорский двор капитулировал. Андроник вступил в город, организовал жестокий разгром латинских кварталов, которые поддерживали жену Мануила, императрицу Марию. После этого он отстранил Марию от власти и стал опекуном императора-ребенка⁵³. Андроник был провозглашен соимператором и заставил маленького Алексея подписать смертный приговор своей матери. Через некоторое время клеветы нового императора покончили и с сыном Мануила: малолетнего правителя задушили тетивой лука, а труп бросили в море⁵⁴. Андроник стал единолично править империей и достиг наконец той вершины, к которой безуспешно стремились его отец и брат.

Правление Андроника оказалось недолговечным и кровавым. Новый император заигрывал с плебсом и жестоко подавлял любые проявления недовольства. Он начал охоту за сановниками и полководцами Мануила. Некоторые из них поднимали против Андроника восстания, которые ему удавалось подавлять. Репрессии обрушивались не только на врагов Андроника, но и на вечерашних друзей. На площадях Константинополя разворачивались кровавые сцены казней.

Однако все это продолжалось лишь два года: в 1185 г. вельможа Исаак Ангел убил пришедшего за ним слугу Андроника – Стефана Айохристофорита. Убийца испугался возмездия и бежал под своды Святой Софии в поисках убежища⁵⁵. Собравшаяся толпа встала на его защиту: вскоре послышались предложения сделать его императором. Андроник был на отдыхе вне стен Константинополя и долго не верил в реальность бунта. Он попытался усмирить восставших, однако те, кто недавно клялся ему “ужасными клятвами”, оказались глухи к словам императора⁵⁶. Тогда Андроник попытался бежать, но был опознан и пойман жителями Понта. Свергнутого императора вернули в Константинополь: толпа жестоко издевалась над ним в течение нескольких дней и наконец зарубила насмерть на ипподроме. Так окончил свои дни первый и последний император из боковой ветви дома Комнинов, основанной братом императора Иоанна Комнина Исааком.

История о злодеяниях Андроника дает нам редкую возможность сопоставить два взгляда на предательства этого человека. Повесть о правлении императора-убийцы дошла до бедного рыцаря Робера де Клари. На протяжении небольшого отрывка своего произведения хронист прямо именует Андроника (которого он называет “Андромом”) предателем и злодеем. По мнению фран-

цузского рыцаря, Андроник несколько раз предал своего господина Мануила Комнина и убил его ребенка⁵⁷. В глазах крестоносца, который в 1204 г. вошел в покоренный Константинополь, такое действие, несомненно, было *личным* предательством: вассал предал своего сюзерена. Были ли эти действия предательством в глазах византийцев?

Однозначного ответа здесь, как ни странно, нет. С одной стороны, образ Андроника в трудах Киннама и Хониата связан с темой нарушенной верности и измены, будь то измена многочисленным любовницам или то, что можно назвать изменой государству. По словам Иоанна Киннама, во время правления Мануила Андроник неоднократно замышлял тиранию, т.е. пытался создать территорию под собственной властью. Это ему не удалось⁵⁸. Позже он принял участие в сельджукских набегах на территорию Византии, за что попал под церковную анафему: эта анафема была с него снята не позднее 1185 г. – вероятнее всего, во время его очередного возвращения в Константинополь⁵⁹. Можно ли считать анафему признаком измены? Мы полагаем, что да: анафеме подвергали за дела, несовместимые со званием христианина, либо за несоблюдение церковной клятвы. Таким образом, в произведении Иоанна Киннама Андроник предстает как дважды предатель – сначала законов человеческих (тирания), а затем и церковных (за что его и анафематствовали).

Несколько по-другому трактует образ Андроника и его предательства Никита Хониат. С одной стороны, он вслед за Киннамом рассказывает о попытках Андроника поднять мятеж против Мануила Комнина. Но акцент у Хониата сделан не столько на Андронике-бунтаре, сколько на Андронике-интригане: при описании его действий он не использует термины, связанные с изменой, а об анафеме вообще не упоминает. Беглый сын Иоанна Комнина предстает у него скорее героем авантюрного романа, чем обычным предателем⁶⁰. Эта линия продолжается и в той части работы Хониата, которая описывает события в империи после смерти Мануила Комнина: здесь Андроник также является не столько противником дела Мануила (к которому Хониат относится критически), сколько талантливым борцом за власть. Сам захват власти Андроником у Хониата возмущения не вызывает: протест у историка вызывают действия, последовавшие после этого захвата. Череда убийств делает Андроника в глазах Хониата тираном на троне, своего рода анти-императором. В повествовании появляются апокалиптические нотки. По сообщению Хониата,

слуга Андроника Комнина Айохристофорит прозывался в народе Анти-христофоритом⁶¹. Однако предателем напрямую Андроник не назван: он всего лишь добивается своей цели. При этом он использует все средства, в том числе и клятвы, данные им Мануилу Комнину и его сыну. Тема верности клятве вновь возникает у Хониата уже в конце правления Андроника: по словам Никиты, сторонники Андроника, связавшие себя страшными клятвами, после начала восстания Исаака Ангела покинули императора. По Хониату, возвышение Андроника началось с ложной интерпретации клятвы и закончилось клятвопреступлением⁶². Однако нигде напрямую Хониат Андроника предателем не называет.

То, что современному человеку может показаться предательством, для византийцев зачастую было всего лишь примером хорошей политической игры. Исследователь трудов Михаила Атталиата Димитриос Краллис охарактеризовал такое отношение как “fluidity of loyalty” (что правильное всего будет перевести как “пластичная преданность”)⁶³. Несколько примеров подобной пластичности продемонстрировали в XII в. представители понтийского греческого рода Гавр.

СЛУГИ МНОГИХ ГОСПОД:
РОД ГАВР МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ
И СЕЛЬДЖУКАМИ В КОНЦЕ XI – НАЧАЛЕ XII в.

Вскоре после сражения при Манцикерте один из крупнейших городов византийского Понта – Трапезунд был захвачен тюрками⁶⁴. Уже к концу 1070-х годов его отбил представитель византийской знати Феодор Гавра⁶⁵. Как Гавра оказался в Трапезунде, до сих пор не очень ясно. Его однофамилец или родственник Михаил Гавра принимал участие в борьбе за власть в середине XI в., однако потом его имя пропадает со страниц источников. Феодору Гавре удалось избежать такой судьбы. Он сохранил власть над Трапезундом в 90-е годы XI в. и принял активное участие в борьбе с сельджуками, которые в тот момент активно осваивали плоскогорья Малой Азии. По словам Анны Комнины, Алексей Комнин обратил внимание на талантливое полководца: он дал ему титул дуки Трапезунда, но оставил его сына Михаила в Константинополе⁶⁶. Юный Гавра попытался бежать из города, однако воины Алексея смогли перехватить его в море и вернуть⁶⁷. Через несколько лет его отец погиб в битве с тюрками: поздняя традиция приписывает ему мученическую смерть от рук одного из эмиров.

Умерший в конце XI в. Феодор Гавра в XII в. стал первым “новомучеником” Малой Азии, к которому обращались с молитвами в борьбе против неверных.

Его сын Григорий Гавра (Таронит) правил городом в 1103–1106 гг., однако затем был смещен Алексеем и отправлен обратно в Константинополь⁶⁸. По словам Анны, в 1116 г. некий Гавра командовал левым крылом византийской армии во время последней кампании Алексея I против тюрок. Можно предположить, что речь идет о сыне Феодора Гавры, которого Алексей воспитывал при дворе: к 1116 г. ему было более двадцати лет и он уже руководил крупными военными соединениями.

Другой Гавра, который, возможно, был сыном Феодора, появляется в текстах, относящихся к значительно более позднему времени. Никита Хониат сообщает, что к 1136 г. некий Константин Гавра подчинил себе Трапезунд и правил в нем “по обычаю тиранов”⁶⁹. Слово *τύραννος* в корпусе текстов Хониата означает человека, захватившего власть над какой-то областью на границе с империей: так, “тираном” неоднократно называется король норманнов Сицилии. В речах Хониата речь идет также о некоем пожилом “тиране” немцев: можно предположить, что речь идет о Фридрихе Барбароссе, который лично общался с историком и произвел на него большое впечатление. Однако создание собственного государства по Хониату не является предательством: это не бунт (*ἀλοστάσια*) и не переход на сторону противника во время боевых действий (*αὐτομόλια*). В своем описании Хониат нигде напрямую Гавру предателем не называет.

Иные представители этого славного рода продолжили дело Константина Гавры. В 1146 г. войска внука Алексея Комнина Мануила I совершили рейд на территории Иконийского султаната. На обратном пути в узком ущелье Мириокефала на византийцев напали сельджуки: в схватке гвардейцы Мануила зарубили несколько знатных турок, среди которых оказался еще один представитель рода Гавр. Вот что пишет о нем Иоанн Киннам:

“Был некто в варварском войске, чей род происходил из Романии, но кто был выращен и воспитан в Персии и по счастливому стечению судьбы получил сатрапию. Его звали Гавра. В тот день римляне убили его вместе с другими, отрубили ему голову и правую руку и отвезли их в лагерь”⁷⁰.

В одной фразе византийский писатель фактически описывает судьбу очередного представителя пограничного рода. При этом термин “предательство” Киннам не употребляет. Его можно было

бы заподозрить в сочувствии к воспитанному тюрками вельможе, если бы не одно “но”, – отсутствие имени. Как нам кажется, оно указывает в данной ситуации на разницу между врагом и другом, – но, конечно, не может указывать на факт предательства. Таким образом, Гавра-сельджук также не осуждается Киннамом.

Однако главным и наиболее интересным для исследования вопросов о “предательстве” является другой представитель этого рода – человек, которого историк Энтони Брайер называет [Хасаном ибн] Гаврой⁷¹. Мы приводим скобки не случайно: византийские источники говорят о некоем Гавре, в то время как сирийские источники (Михаил Сириец) говорят о советнике султана Клыч-Арслана II по имени Ихтийяр Хасан. Э. Брайер, С. Врионис и К. Каэн считают, что речь идет об одном и том же человеке. В нашей работе мы следуем данному научному консенсусу: никаких альтернативных версий пока высказано не было.

По нашему мнению, данная гипотеза имеет весьма интересное (если не сказать зашифрованное) подтверждение в византийских исторических нарративах второй половины XII в., в которых тоже фигурирует персонаж по имени Гавра.

Гавра появляется в повествованиях Никиты Хониата и Иоанна Киннама во время описания сражения при Мириокефале (1176 г.). Единственный манускрипт работы Киннама обрывается непосредственно перед описанием битвы, однако на последних листах автор упоминает о неудачной экспедиции союзного византийцам эмира из династии Данишмендидов и генерала Михаила Гавры в Амасию. После этого Киннам утверждает, что перед сражением султан Клыч-Арслан II отправил к Мануилу “одного из самых сильных мужей, называемого Гаврой”, с просьбой о мире⁷². В византийских текстах XII в. термин “самый сильный муж” может означать разных функционеров Иконийского султаната, однако никакой дальнейшей конкретизации Киннам не дает. Нам неясно, какую должность занимал Гавра при сельджукском дворе или что входило в его компетенцию. В отличие от “византийского” Гавры, который ходил на Амасию, сельджукский носитель этой фамилии даже не назван по имени. Это роднит его с предыдущим перебежчиком из этого рода, о котором мы говорили выше.

Никита Хониат (который в начале своего труда использовал работу Киннама) вообще не упоминает о посольстве с участием Гавры, фокусируя внимание читателя на постоянном соперничестве Клыч-Арслана и Мануила. Он вводит Гавру в свое повествование только во время описания сражения. Армия Мануила

вошла в ущелье Мириокефала, тюрки атакуют ее со всех сторон, и большая часть войска (по Хониату) гибнет. Мануил в сопровождении немногих воинов достигает лагеря. В этот момент, по мнению византийского автора, происходит некоторое подобие чуда. Хониат описывает обстановку в лагере иконийского султана следующим образом: “Но Тот, кто в древности оставил семя Израилю, (...) Тот подчинил душу султана чуждому ей состраданию (...) Тот, Кто через Хусия разрушил совет Ахитофела и изменил ход мыслей Авессалома, (...) Тот и теперь отвел владыку персов от должного. Согласившись на убеждения своих вельмож, (...) султан (...) предлагает императору мир, и опять просит о заключении договора”⁷³.

В результате совета Клыч-Арслан предлагает Мануилу заключить мир. После ночных переговоров и нескольких стычек Мануил I Комнин соглашается на условия Клыч-Арслана II. Послом сельджуков при заключении мира становится Гавра (который также как и у Киннама не назван по имени).

«При виде царя, Гавра воздал ему, по варварскому обычаю, глубокое поклонение (...) Гавра увидел, что у императора поверх доспеха надета одежда золотистого цвета. “Этот цвет не служит добрым знаком, о, царь”, – сказал он – “А во время войны он особенно противодействует удаче”. После этих слов император, слабо и через силу улыбнувшись, снял надпанцирную одежду, вышитую пурпуром и золотом, и отдал ее Гавре”⁷⁴.

Кем же был этот Гавра? Его статус определен у Хониата с большей точностью, чем у Киннама. Гавра у Хониата это “первый среди вельмож”, что в иерархии сельджукских эмиратов могло означать либо атабека, либо визиря⁷⁵. Я сомневаюсь, что в данном случае речь идет именно об атабеке: судя по другим упоминаниям этого термина в корпусе работ Хониата, он (вслед за Анной Комниной) мог принять этот титул за варварское имя. Версия о визире подтверждается Э. Брайером, который однозначно отождествляет упомянутого Хониатом и Киннамом Гавру с визирем Иконийского султаната Ихтийяром Хасаном. Итак, и до, и во время сражения при Мириокефале роль посредника между султаном и императором играл визирь первого Ихтийяр Хасан ибн Гавра. Судя по тексту Хониата, он был образованным человеком, блестяще владел греческим языком и даже позволял себе шутить в присутствии императора. Однако ограничивалась ли его роль лишь исполнением дипломатических функций?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо провести интерпретацию библейских аллюзий, использованных Хониатом при описании мирных переговоров. Византийский автор сравнивает положение в сельджукском лагере после битвы с тем, какое было в лагере сына Давида, Авессалома, после битвы против отца. Согласно тексту Библии, советник Авессалома Ахитофел советовал ему довести дело до конца и уничтожить войско отца, в то время как тайный союзник Давида Хусий дал Авессалому совет, который спас Давиду жизнь.

На наш взгляд, данное сравнение употреблено Хониатом сознательно. Давиду уподобляется Мануил Комнин (Хониат употребляет это сравнение в описании битвы), Авессалому – Клыч-Арслан II (который во время церемонии заключения мира 1161 г. был символически усыновлен Мануилом). Место “злого советника” Ахитофела остается вакантным: судя по описанию Михаила Сирийца, на его месте мог быть один из эмиров наемников-туркмен. Зато кандидат на место Хусия, тайного союзника Мануила-Давида, очевиден. По нашему мнению, под маской Хусия Хониат скрывает уже знакомого нам персонажа, а именно ренегата и визиря Хасана ибн Гавру. Именно этот “старый друг” и спас Мануила от неминуемой (по мнению Хониата) гибели в зловещем ущелье Мириокефала. Именно утешение Гавры и его злая шутка (см. выше) заставили героя Никиты Хониата улыбнуться и выйти из состояния шока, которое византийский хронист описывает предельно подробно. На следующий день император уже мог нормально руководить войском.

Таким образом, по Хониату предательство является далеко не однозначным явлением. Гавра служит для автора образцом “хорошего предателя”, который не только становится орудием Божьей воли в спасении жизни императора, но и выводит его из шока через катарсис юмора. Религиозный статус предателя при этом для Хониата не важен.

Остается добавить, что после Хасана ибн Гавры представители рода продолжили нести службу при дворах ключевых династий Малой Азии. Следуя сложившейся в XII в. традиции, многие из них становились дипломатами и губернаторами. В XIII в. военный конфликт, породивший и возвысивший Гавр, потерял свою актуальность. Это не нанесло существенного урона статусу рода: один из Гавр возглавлял сельджукское посольство к Фридриху II Гогенштауфену, другие служили Великим Комнинам Трапезунда, а третьи занимали важные посты в Константинополе. Клан

воинов стал кланом дипломатов и ученых: один из потомков рода уже в XIV в. вошел в византийскую литературу как писатель.

Впрочем, способность членов данного рода к смене политической и религиозной ориентации забыта не была. В сельджукском эпосе “Данишменд-наме” мы встречаем несколько героев по фамилии Гавра. Речь идет именно о представителях клана: коллективный автор текста называет их “сыновьями Гавры”. Эти сыновья сначала подчиняются тюркам и даже принимают ислам, однако позже вновь переходят в христианство, поднимают восстание в тылу у турок и убивают мусульман. Главному герою “Данишменд-наме”, эмиру Данишменду, удается справиться с ними с большим трудом⁷⁶. Так поздний эпос зафиксировал пограничную, если не сказать предательскую, позицию рода Гавр.

ВИЗАНТИЯ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ПРЕДАТЕЛЬСТВАМ?

В византийских источниках XII в. нами обнаружено несколько терминов, обозначающих то, что современные толковые словари называют предательством. Византийцам были известны понятия “переметничества” (в военных условиях), “измены” как таковой и “бунта”. Однако во всех трех случаях речь идет о предательстве государства, но не о предательстве личности или церкви. Мы пришли к выводу, что для образованных византийцев XII в. понятие личной верности фактически было чуждым, а обращение того или иного знатного человека в другую веру не считалось чем-то особо примечательным. Переход на сторону вчерашнего противника описывается в текстах практически как норма. Таким образом, можно констатировать, что взгляды византийцев и их западноевропейских современников на проблему личной верности существенно различались.

Разница во взглядах и подходах становится очевидна при исследовании образа Андроника Комнина. Этот образ присутствует в работах как византийских, так и западных историков. Для Робера де Клари Андром-Андроник в первую очередь – вассал, предавший своего сюзерена и родственника. Для Иоанна Киннама – он бунтовщик и отступник от церкви. Для Никиты Хониата он – талантливый авантюрист, не лишенный положительных черт, тиран на троне Константинополя, не гнушающийся никакими средствами для достижения своих целей. Ни Киннам, ни Хониат не говорят о нарушении Андроником каких-то обязательств личной верности Мануилу: они фигурируют лишь в работе Хо-

ниата в виде неких “клятв”, которые Андроник интерпретирует в свою пользу. По большому счету, у Хониата Андроник является не столько предателем, сколько божьим наказанием, которое прекращает свергнувший Андроника Исаак Ангел. Это неудивительно: согласно последним изысканиям А. Симпсон, Никита Хониат начал писать свою работу во время правления императоров из династии Ангелов⁷⁷.

Отношение византийцев к предательствам на границе также может показаться нам парадоксальным. Переход отдельных членов императорской фамилии на сторону врага рассматривается авторами едва ли не как норма. Религиозное отступничество не вызывает серьезных нареканий даже у Хониата, который написал дошедшую до нас работу по каноническому праву⁷⁸. Авторы весьма редко дают сколь-нибудь резко негативные характеристики бунтовщиков. В отдельных ситуациях изменники и отступники могут играть положительную роль: такую роль во время сражения при Мириокефале сыграл визирь султана Клыч-Арслана II Хасан ибн Гавра. Это обуславливало известную терпимость к тем людям, которых можно, с точки зрения относительно современных понятий и определений, назвать предателями и изменниками. Византийские авторы не уделяли перебежчикам какого-то специального внимания.

Наличие в источниках положительных образов предателей, героических перебежчиков и царственных бунтовщиков привело нас к мысли о том, что византийские писатели в целом относились к предательству достаточно толерантно. В обществе, где понятие личной верности отсутствовало, предательство было лишь одним из инструментов для достижения личных целей. Судя по описаниям Киннама и Хониата, этот инструмент активно использовали не только византийцы, но и тюрки. Такое отношение к предательству было не всегда понятно носителям развивавшейся в странах Западной Европы рыцарской культуры. В 1204 г. носители этой культуры осадили и взяли штурмом Константинополь, положив конец Византии Комнинов и Ангелов.

¹ Словарь русского языка / под редакцией С. Ожегова. М., 1953. С. 527.

² Доступна по адресу <http://www.britannica.com/>. Последнее обращение: 20.09.2011.

³ О перебежчиках в более ранний период см.: *Shukurov R. The Crypto-Muslims of Anatolia // Anthropology, Archeology and Heritage in the Balkans and Anatolia or the Life and Times of F.W. Hasluck (1878–1920) / Ed. David Shankland. 2 vols. Istanbul, 2004. Vol. 2. P. 135–145.*

- ⁴ Базовыми работами по периоду и по сей день остаются труды К. Каэна и С. Вриониса. *Cahen C. Formation of Turkey: The Seldjukid Sultanate of Rum. Eleventh to Fourteenth Centuries* / tr. P. M. Holt. L., 2001; *Vryonis S.Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth century*. L., 1971.
- ⁵ Главной работой по династии Комнинов (и едва ли не главной работой по Византии XII в. в целом) считается работа Пола Магдалино: *Magdalino P. The Empire of Manuel Komnenos (1143–1180)*. Cambridge, 1993. Просопографический справочник по династии выполнен Вардзосом: *Βαρζος Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνών. Θεσσαλονίκη*, 1984.
- ⁶ См., например: *Evangelium secundum Joannem* // *The Greek New Testament* / Ed. K. Aland, M. Black, C.M. Martini, B.M. Metzger, A. Wikgren. Stuttgart, 1968. 18:5.
- ⁷ Мы пользовались онлайн-версией словаря, которая доступна через Thesaurus Linguae Graecae. Автор выражает благодарность факультету истории Средних веков Центрально-Европейского университета за возможность пользования базой данных.
- ⁸ *Oxford Dictionary of Byzantium*. L., 1991. Vol. II. P. 2110.
- ⁹ Более детально об этой измене мы будем говорить позже. См.: *Choniates Nicetas. Historia* / Hg. A. van Dieten. Berlin, 1975. S. 132–134. О Хониате см.: *Каждан А.П. Никита Хониат и его время* // *Никита Хониат и его время* / ред. Я. Любарский. СПб., 2005; *Niketas Choniates: a historian and a writer* / Ed. S. Efthymiadis, A. Simpson. Geneva, 2009.
- ¹⁰ *Attaleiates Michael. Historia* / Ed. I. Perez-Martin. Madrid, 2002. P. 98, 9.
- ¹¹ *Manasses Constantine. Breviarium Chronicum* / Ed. O. Tzoulakis. Athens, 1996. Col. 6222.
- ¹² См., например, использование данного термина Михаилом Пселлом: *Psellos Michael. Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / introduzione di D. Del Corno; testo critico a cura di S. Impellizzeri; commento di U. Criscuolo; traduzione di S. Ronchey. 1a ed. Milano, 1984. T. I. P. 6.
- ¹³ О мятежах в комниновскую эпоху см.: *Cheyne J.-C. Pouvoir et Contestationes à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990.
- ¹⁴ О предательстве и предателях в “Песни о Роланде” и в более поздних эпических произведениях см. статью Майкла Джонса: *Jones M. ‘Bons Bretons et Bons Francoys’: The Language and Meaning of Treason in Later Medieval France* // *Transactions of Royal Historical Society*. Vol. 32 (1982). P. 91–112; *Fitz B.E. Cain as Convict and Convert? Cross-Cultural Logic in the “Song of Roland”* // *Modern Language Notes: Comparative literature*. 1998. Vol. 113. P. 812–822; *Dessau A. L’idée de la trahison au Moyen âge et son rôle dans la motivation de quelques chansons de geste* // *Cahiers de civilisation médiévale*. Poitiers, 1960. № 3. P. 23–26.
- ¹⁵ См.: *Kantorowicz E. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought* // *The American Historical Review*. 1951. Vol. 56. P. 476–478.
- ¹⁶ Обретение “родины” началось у византийцев позже, в эпоху Палеологов. Именно тогда империи стали представлять именно как империю эллинов. В XII в. с этим определением (которое использовали враги – сицилийцы и чиновники Священной Римской империи Барбароссы) – императоры в Константинополе были решительно несогласны. См.: *Kresten O. Der “Anrede Streit” zwischen Manuel I Komnenos und Friedrich I. Barbarossa nach der Schlacht von Myriokephalon* // *Römische Historische Mitteilungen*. 1992/1993. Bd. 34–35. S. 65–110.

- ¹⁷ Пол Магдалино отмечает, что трое из пяти условно положительных героев работы Хониата являются латинянами. См.: *Magdalino P. The Empire of Manuel...* P. 13.
- ¹⁸ *Brand C. The Turkish element in Byzantium: Eleventh-Twelfth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 53. P. 8.*
- ¹⁹ *Choniates Nicetas. Historia...* S. 151f.
- ²⁰ О предателях и предательстве в предшествующий период византийской истории см.: *Μπουρδάρη Κ. Καθολίσις και Τυραννός κατά τους Μέσους Βυζαντινούς Χρόνους. Μακεδονικά Δυναστεία (867–1056). Αθήνα, 1981.*
- ²¹ *Jones M. Op. cit.*
- ²² Называя Иконийский султанат “султанатом” необходимо понимать, что речь идет не об оседлом и устоявшемся государстве, а о сложной структуре, которая состоит из кочевых племен и их лидеров, с одной стороны, и из населения плодородных долин – с другой. Во главе этой системы стоит султан, или в случае Данишмендидов – эмир. Общие механизмы превращения таких конгломератов в “оседлые” государства описаны Хазановым. См.: *Khazanov A. Nomads and the Outside world. Cambridge, 1984. P. 228–303.*
- ²³ Работа Атталиата долгое время оставалась на периферии византистики. Однако в последнее время интерес к ней возрос во многом за счет появления критического издания, выполненного испанским палеографом Иммакуладой Перес-Мартин (см. примеч. 6) и обстоятельной монографии Димитрия Ки-раллиса – *Krallis D. Michael Attaleiates: History as Politics in Eleventh-Century Byzantium: Ph.D Thesis. University of Michigan, 2006.*
- ²⁴ *Βαρζος Κ. Η Γενεαλογία...* Τ.Α'. Σ. 61.
- ²⁵ *Attaleiates Michael. Historia...* P. 106, 10–20.
- ²⁶ К. Каэн считает его одним из дальних родственников султана Великих Сельджуков Алп-Арслана. См.: *Cahen C. La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe s.) // Byzantion. 1948. Vol. 18. P. 20–35.*
- ²⁷ *Attaleiates Michael. Historia...* P. 106–107, 24–2.
- ²⁸ *Bryennios Nikephoros. Historical Material / Ed. P. Gautier. Brussels, 1975. P. 240.*
- ²⁹ *Komnene Anna. Alexiada / Hg. A. Kambyllis, D. Rheinsch. Berlin, 2001. VI.13. S. 198, 95–5.*
- ³⁰ *Choniates Nicetas. Historia...* S. 132–134; *Brand C. The Turkish element in Byzantium, Eleventh-Twelfth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 53. P. 1–25.*
- ³¹ Необходимо отметить, что Клыч-Арслан II был не первым султаном-побегчиком из Иконийского султаната. Согласно данным Михаила Сирийца, в Константинополь во время войны в султанате в 1130-х годах бежал его отец Масуд Иконийский. Этот сюжет упоминает в своей недавней статье Дмитрий Коробейников. *Michel le Syrien. La Chronique / Trad. J.P. Chabeaut. Paris, 1910; Korobeinikov D. A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyath al-Din Kay-Khusraw I // Eat, Drink and be Merry: Food and Wine in Byzantium Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed.L. Brubaker, K. Linardou. Aldershot, 2007. P. 93.*
- ³² При этом прочтении необходимо учитывать панегирический характер труда Киннама. *Cinnamus Ioannes. Epitoma rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis Gestarum. Bonn, 1836. S. 204, 23.*
- ³³ Если верить Хониату, Мануил предоставил своему гостю комнату, полную золота. *Choniates Nicetas. Historia...* S. 121.
- ³⁴ *Choniates Nicetas. Historia...* S. 185–195.

- ³⁵ Во многих обзорных работах присутствует общее место о якобы тяжелых условиях, в которых содержалась Анна. Эта точка зрения была опровергнута на основании нескольких посвященных Анне риторических произведений. В одном из них упоминаются лошади и колесницы (!) которые были доступны опальной дочери Алексея, в другом – обильный стол, который предоставляла участникам своего “салона” узница монастыря. Иными словами, условия, в которых протекала жизнь Анны, сложно назвать некомфортными. Подробнее об Анне см. сборник статей под редакцией Таилии Гумы-Петерсон: *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T.Gouma-Peterson. L., 2000.
- ³⁶ Более подробно об отсылках к середине XII в. в труде Анны см. статью Пола Магдалино: *Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-Twelfth Century in the Alexiad* // *Anna Komnene and Her Times...* P. 25–29.
- ³⁷ *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 33–36.
- ³⁸ *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 46–48.
- ³⁹ Интересно отметить, что Иоанн не услав Исаака на западную границу империи, а отправил его на восток, который к моменту ссылки был лишь недавно отбит у Данишмендидов. О причинах такой ссылки можно только догадываться.
- ⁴⁰ Та же судьба, возможно, постигла и Никифора Вриенния. Жалобы Анны на постоянную занятость мужа в военных походах, равно как и смерть Вриенния непосредственно во время византийской экспедиции в Киликию, дают основания предположить, что Иоанн Комнин предпочитал, чтобы ближайшие родственники и претенденты на престол не оставались в Константинополе во время его отсутствия. Это подтверждает и судьба Исаака Комнина, которого услали далеко на Понт.
- ⁴¹ Об эмирате Данишмендидов см.: *Oikonomides N. Les Danishmendides entre Byzance, Bagdad et le Sultanat d’Iconium* // *Revue Numismatique. 1983. T. 25 / 6. P. 190–205.*
- ⁴² *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 50–55.
- ⁴³ См. описание этого конфликта у Каэна: *Cahen C. Formation of Turkey...* P. 18–21.
- ⁴⁴ *Choniates Niketas. Historia...* S. 36, 50.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 46–54.
- ⁴⁶ *Βαρζοῦς Κ. Η Γενεαλογία...* Τ. Α’. Σ. 485.
- ⁴⁷ Подробная биография Андроника была написана Октавиушем Юревичем. *Юревич О. Андроник I Комнин*. М., 2004. Ряд эпизодов его жизни разобран в уже упомянутой нами работе Пола Магдалино. Обобщающих монографий, посвященных политической истории Византии эпохи Андроника Комнина, насколько нам известно, до сих пор нет.
- ⁴⁸ *Choniates Niketas. Historia...* S. 55, 55–60.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 151.
- ⁵⁰ Об Артукидах см.: *Cahen C. Formation of Turkey...* P. 8–9; *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism...* P. 118.
- ⁵¹ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 251, 6.
- ⁵² *Choniates Niketas. Historia...* S. 228, 84.
- ⁵³ По словам Хониата (который, возможно, сгущает краски), Андроник Комнин посетил могилу Мануила и, несмотря на показное благочестие, шепотом поносил имя покойного императора. *Choniates Niketas. Historia...* S. 256f.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 274.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 342f.

- ⁵⁶ Ibid. S. 350, 23.
- ⁵⁷ У нас не было доступа к старофранцузскому изданию текста, и нам пришлось опираться только на английский перевод (который впрочем считается классическим). См.: *Robert of Clari. Conquest of Constantinople // Three Old French Chronicles of the Crusades / Ed. Edward N. Stone. Seattle, 1939. Ch. 21–23. <http://www.deremilitari.org/resources/sources/clari.htm> (последнее обращение 27.08.2011).*
- ⁵⁸ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 125, 13.
- ⁵⁹ Случай довольно редкий в византийско-сельджукских отношениях. См.: *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 251, 6.
- ⁶⁰ Никита Хониат несколько раз сравнивает Андроника с Одиссеем. Об образе Андроника см.: *Gaul N. Andronikos Komnenos, Prinz Belthandros und der Zyklus: Zwei Glossen zu Niketas Choniates' Chronikē diēgēsis // Byzantinische Zeitschrift. 2003. Bd. 96/2. P. 623–660.*
- ⁶¹ *Choniates Niketas. Historia...* S. 293, 11.
- ⁶² Ibid. S. 228, 84; S. 350, 23.
- ⁶³ *Krallis D. Michael Attaleiates: History as Politics...* P. 362.
- ⁶⁴ *Attaleiates Michael. Historia...* P. 124.
- ⁶⁵ Подробнее о первом Гавре см.: *Bryer A. Byzantine Family: The Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. 1969–1970. Vol. 12. P. 164–169.* О Гаврах см. также: *Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал / АН Арм ССР. 1987. № 3. С. 190–200.*
- ⁶⁶ Повествование Анны является главным источником по истории Византии конца XI – начала XII в. Однако не стоит забывать о том, что свой труд она составляла в 1130–1150-х годах, т.е. почти через четверть века после событий, описанных в “Алексиаде”.
- ⁶⁷ *Komnena Anna. Alexiade...* P. 256–258.
- ⁶⁸ О проблемах идентификации Гавры-Таронита см. статью Маргарет Маллетт: *Mullett. M. The Madness of Genre / Dumbarton Oaks Papers. 1992. Vol. 46. P. 235–243.*
- ⁶⁹ *Choniates Niketas. Historia...* S. 34, 84–93.
- ⁷⁰ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 56, 11–13.
- ⁷¹ *Bryer A. Byzantine Family...* P. 175–185.
- ⁷² *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 299, 9–10.
- ⁷³ *Choniates Niketas. Historia...* S. 186, 19–34.
- ⁷⁴ Ibid. S. 189.
- ⁷⁵ Ibid. S. 189, 47–48.
- ⁷⁶ *Danishmend-name / Tr. I. Melikoff. P., 1960. P. 444sq.* Также см.: *Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. I. P. 586; Мелиоранский П.М. Сельджук-намэ как исторический источник // Византийский временник. 1889. Т. 1. С. 613–641; Savvides A. Some major Seljuk, Persian and Ottoman Sources regarding Byzantine-Seljuk Relations: (A Bibliographical Survey) // *Mésogeios. 2005. Vol. 25–26. P. 13–14.**
- ⁷⁷ *Simpson A. Before and After 1204: The Versions of Niketas Choniates' Historia // Dumbarton Oaks Papers. 2006. Vol. 60. P. 189–223.*
- ⁷⁸ *Van Dielen L.J. Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates. Amsterdam, 1970.*